

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes*

*Черниченко С.В.**

В настоящей статье говорится о том, что содержанием императивных норм международного права являются обязательства *erga omnes*.

Ключевые слова: императивные нормы; обязательства *erga omnes*; перечень императивных норм и обязательств *erga omnes*.

Понятия императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* твердо вошли в обиход международной жизни. В то же время это – ареал международного права, и политические деятели, и политологи избегают ссылаться на эти термины ввиду их специфически международно-правовой окраски. Проще употребить какой-либо эвфемизм, более понятный широкой публике. Когда же потребности межгосударственного общения диктуют необходимость углубления именно в международно-правовую тематику, тогда понятия императивных норм и обязательств *erga omnes* в ряде случаев становятся неизбежными.

На официальном уровне раздавались и раздаются голоса, в той или иной степени возражающие против использования терминов «императивные нормы международного права» и «обязательства *erga omnes*». В доктрине тоже иногда можно встретить негативное к ним отношение.

* Черниченко Станислав Валентинович – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Президент Международно-правового клуба.

И тот, и другой обозначают абстрактные понятия, которые, как и всякие абстрактные понятия, имеют некую неопределенность. Но главное, по-видимому, не в этом. Отсутствует четкое представление о том, какие нормы могут быть отнесены к императивным и какие обязательства следует рассматривать как обязательства *erga omnes*.

На эту тему написано много. Особенным вниманием пользуется исследование императивных норм. Работа Комиссии международного права ООН, Венские конвенции 1969 и 1986 годов переместили, если можно так выразиться, вопрос об императивных нормах международного права из доктринальной сферы в практическую, перевели его на договорные «рельсы».

Возвращаться к дискуссиям, которые проходили в Комиссии международного права и в шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН о понятии императивных норм, не стоит. Они освещены в международно-правовой литературе достаточно полно.

Есть вопрос, который затрагивался в них, но нуждается в определенном внимании. Это вопрос о взаимной связи императивных норм и обязательств *erga omnes*. В самой общей форме он выглядит довольно просто. Императивные нормы – нормы, отступление от которых межгосударственное сообщество признает недопустимым. А обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всего межгосударственного сообщества, составляют содержание императивных норм.

Если обратиться к ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., то легко можно увидеть, что в ней говорится не о всех аспектах, свойственных императивным нормам международного права. В ст. 53 сказано: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»¹.

Такая длинная цитата оправдана. В ст. 53 предусматриваются, во-первых, последствия договора, заключенного в противоречии с императивной нормой (его ничтожность), и, во-вторых, то, что императивная

¹ Действующее международное право в трех томах. Составители Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. Т. 1. Изд-во МНИИП, 1996, с. 359-360.

норма признается таковой межгосударственным сообществом в целом. Можно считать тем самым, что императивная норма, которая признается сообществом государств в целом, содержит обязательства *erga omnes*, хотя на это ст. 53 прямо не указывает.

Ст. 53 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или международными организациями от 21 марта 1986 г. почти дословно повторяет ст. 53 Венской конвенции 1969 года (с учетом разницы в предмете конвенции). Правда, в русском тексте Конвенции 1986 г. в качестве последствия договора, противоречащего императивной норме, сказано, что он является недействительным, а не ничтожным. Между прочим, в английском тексте ст. 53 обеих Конвенций в этом случае употребляется только слово «void» (т.е. ничтожный).

Венские конвенции относятся только к договорам, составленным в письменной форме и, кроме того, между государствами или же между государствами и международными (межправительственными) организациями или между межправительственными организациями. Некоторые другие аспекты, касающиеся соответствующих проблем, остаются вне Венских конвенций.

Естественно, выясняя взаимосвязь императивных норм и обязательств *erga omnes*, надо прежде всего иметь в виду государства. Венские конвенции, однако, обходят вопрос об устных договорах. Договорной правоспособностью могут обладать и народы, борющиеся за создание собственного государства, государственность которых находится в процессе становления. Государства, как и в некоторых случаях народы, борющиеся за создание своего государства, которые можно воспринимать как уже рождающиеся государства, – это первичные субъекты международного права, которые изначально, в силу факта своего существования, являются участниками межгосударственных отношений.

Производные субъекты – те, которые создаются первичными субъектами и которые наделены правом заключать международные договоры. К ним относятся международные (межправительственные) организации, причем не все, а только способные участвовать в межгосударственных отношениях от своего имени согласно их учредительному акту или последующей практике и наделенные договорной правоспособностью. О них идет речь в Венской конвенции 1986 г. (исключая устные договоры).

Если какая-либо федерация признает за ее членами право заключать международные договоры и, соответственно, считает их субъектами международного права с ограниченной международной правоспособностью, на них, логически рассуждая, также должны были бы распространяться правила об императивных нормах и обязательствах *erga omnes*. Наконец, если представить себе, что те или иные вольные города могут в определенных пределах обладать договорной правоспособностью, то же самое может относиться и к вольным городам. Предположение такого рода носит теоретический характер, поскольку в настоящее время нет вольных городов, но это нельзя игнорировать.

Субъекты международного права, компетенция которых ограничивается лишь применением международного права (например, международные арбитражи) в приведенный перечень субъектов, казалось бы, не попадают. Но так как они применяют международное право, включая и договорное, они, разумеется, должны учитывать, что среди тех норм, которые они применяют, могут встретиться и императивные нормы.

Следует отметить, что обязательства *erga omnes* – обязательства в отношении и всего межгосударственного сообщества в целом, и в отношении каждого из его участников. Рассматривая соотношение императивных норм международного права и обязательств *erga omnes*, сразу же можно сказать, что императивные нормы – определенная категория норм международного права, а обязательства *erga omnes* – содержание (или, точнее, часть содержания) указанных норм. И.И. Лукашук, опираясь на материалы Комиссии международного права, заметил, что характерной чертой этих норм является порождение ими обязательств *erga omnes*: «В результате не только государство, непосредственно пострадавшее от правонарушения, но и другие государства вправе поставить в юридическом плане вопрос об ответственности нарушителя. Иначе говоря, речь идет об утверждении в международном праве чего-то подобного древнеримскому “*action popularis*”, которое давало каждому члену общества предпринять юридические действия в защиту общественных интересов, независимо от того, были ли затронуты его собственные интересы»². Он добавляет, что это «будет означать вступление международного права в новую фазу своего развития»³.

Г.И. Тункин еще раньше подчеркнул, что признание существования *jus cogens* – элемент нового мышления, отражающего реальности

² Лукашук И.И. Нормы международного права. М.: Изд-во «Спарк», 1997, с. 179-174.

³ Там же, с. 176.

новой эры в истории⁴. Не обольщаясь чрезмерно относительно новой фазы развития международного права, никуда не уйти от того, что императивные нормы международного права и тем самым обязательства *erga omnes* отвечают реальности состояния межгосударственных отношений современности.

Возникает вопрос, в какой мере эти обязательства выходят за рамки императивных норм. Может быть, какие-то обязательства *erga omnes* составляют часть содержания диспозитивных норм (*jus dispositivum*)? Важнейшим последствием противоречия международного договора императивным нормам (*jus cogens*) служит признание данного договора ничтожным (как уже указывалось). Если предположить, что существуют обязательства *erga omnes*, не входящие в императивные нормы, тогда можно заключать международные договоры, противоречащие каким-то нормам международного права, не входящим в императивные, не опасаясь признания ничтожными таких договоров, хотя они и противоречат определенным обязательствам *erga omnes*.

Представить это, однако, невозможно. Для того, чтобы нарушить такие обязательства, необходимо согласие *всего* межгосударственного сообщества (и каждого из его *членов*). Но если какие-либо государства заключат договор, противоречащий как будто бы обязательствам *erga omnes* без согласия *всего* межгосударственного сообщества, и он не признается ничтожным, тогда была бы неизбежно нарушена императивность (когентность) соответствующих норм. Правильным, очевидно, будет и обратный вывод: если норма содержит обязательства *erga omnes*, то она должна быть императивной.

Не останавливаясь на том, что с течением времени императивные нормы могут меняться (данная возможность допускается Венскими конвенциями 1969 г. и 1986 г.)⁵, ссылки в обеих Конвенциях на императивные нормы позволяют думать, что само понятие императивных норм существует помимо Конвенций.

Вряд ли стоит сомневаться, что правило о недопустимости заключения международных договоров, противоречащих императивной норме, относится только к договорам, охватываемым этими Конвенциями.

⁴ Tunkin G. Politics, Law and Force in the Interstate System. Extract from the Recueil de cours. Vol.219 (1989-VII)/ Dordrecht/Boston/London, 1992, p. 300.

⁵ Этот вопрос рассматривался Л.Н. Шестаковым. См.: Шестаков Л.Н. Императивные нормы в системе международного права. М.: Изд-во Московского университета, 1981, с. 64-68.

Если вообразить, что, скажем, устные договоры или договоры между иными субъектами международного права, чем предусмотренные Венскими конвенциями, могут противоречить императивным нормам, то в таком случае нельзя вообще говорить об императивных нормах.

Норма, от которой нельзя отступить в любых международных договорах, есть норма международного обычного права (отчасти об этом уже говорилось)⁶. Венские конвенции 1969 г. и 1986 г. зафиксировали в договорном праве определенные аспекты этой более общей нормы *обычного* характера. Уместно вспомнить ст. 40 статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние, которые были приняты к сведению Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 56/83 от 12 декабря 2001 г.⁷ В ст. 40 предусматривается следующее: «Настоящая глава применяется к международной ответственности, которую влечет за собой серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы международного права»⁸. Ссылки на Венские конвенции здесь нет. И хотя в ст. 40 говорится об ответственности *государств*, само понятие императивных норм и обязательств, вытекающих из этих норм, т.е. обязательств *erga omnes*, не «привязано» к каким-либо договорам, ограничивающим или толкующим это понятие. То же самое почти можно сказать и о статьях, касающихся *ответственности международных (межправительственных) организаций* за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм международного права⁹. Не затрагивая пока вопрос о понятии серьезных нарушений императивных норм, все же не приходится сомневаться в том, что любые нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм, должны влечь за собой ответственность нарушителей.

Кажется, не нуждается в доказательствах то, что требование не нарушать императивные нормы адресуется не только государствам

⁶ Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права. – Государство и право. № 6. 2012, с. 78-89.

⁷ Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят шестой сессии 12 сентября – 24 декабря 2001 г. Т. I, ООН, Нью-Йорк, 2002, с. 589-597.

⁸ Там же, с. 594.

⁹ Комиссия международного права, подготовив для Генеральной Ассамблеи статьи об ответственности международных организаций, в статьях 41 и 42 встала на тот же путь, что и ранее, говоря об ответственности международных организаций за серьезные нарушения обязательств, вытекающих из императивных норм. См.: Доклад Комиссии международного права. Шестьдесят третья сессия. 26 апреля – 3 июня и 4 июля – 12 августа 2011 г. Дополнение (A/66/10). ООН, Нью-Йорк, 2011 г., с. 68-69.

в отношении международных договоров, но и любым субъектам международного права. Данные нормы потому и являются императивными, поскольку все субъекты международного права в принципе должны вести себя в соответствии с ними даже в случае односторонних действий (бездействий) в сфере межгосударственных отношений. Если, например, создается угроза международному миру и безопасности, любой субъект международного права должен, в пределах своей правоспособности, соблюдать принцип неприменения силы, принцип территориальной целостности и неприкосновенности и другие принципы общего международного права. Что же следует сказать об обязательствах *erga omnes*, когда государства или иные субъекты международного права (в той мере, в какой это касается других субъектов международного права) осуществляют действия, не безразличные для международного права (или воздерживаются от совершения таких действий)? Такие действия должны оцениваться как соответствующие или нарушающие обязательства *erga omnes*, составляющие содержание (или часть содержания) императивных норм. Таким образом, одной из самых общих императивных норм обычного международного права выглядит правило о недопустимости заключения *любых* международных договоров или совершения *иных действий (бездействий)* в сфере межгосударственных отношений, противоречащих ей. Нормы Венских конвенций, упомянутых выше, – конкретизация и развитие этой общей нормы. Это согласуется и с мнением, высказанным исследователями, занимавшимися проблемой в разное время. Так, Л.Н. Шестаков писал еще в 1981 г.: «...императивная норма может быть договорной или обычной по своему происхождению, она, естественно, может быть и смешанной. При этом необходимо, чтобы такая норма имела универсальное признание»¹⁰. Чуть позже Л.А. Алексидзе подчеркивал: «...под императивными нормами (*jus cogens*) в международном праве следует понимать совокупность норм, общепризнанных путем многосторонних договоров или обычного процесса нормообразования...»¹¹. И.И. Лукашук справедливо утверждал: «Венские конвенции о праве договоров решают вопрос о соотношении с императивными

¹⁰ Шестаков Л.Н. Указ.соч., с. 64.

¹¹ Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы (*juscogens*). Тбилиси, Изд-во Тбилисского университета, 1982, с. 339.

нормами только договоров. Однако едва ли можно было бы сделать из этого вывод, будто сказанное не распространяется на соответствующие обычные нормы»¹².

Отступление от императивных норм может быть двух видов. Либо это отступление представляет собой *нарушение* императивных норм, и оно недопустимо. Либо это отступление создает более благоприятные условия для каких-то членов межгосударственного сообщества без ущемления прав остальных его членов. Отступление подобного рода не является нарушением международного права. Не будем говорить о возможности отступления от договорных обязательств, предусмотренных в самом договоре (например, в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах). Это не отступление от императивных норм¹³. Попутно надо заметить, что в теории государства и права термин «императивные нормы» встречается не столь уж часто. Видимо, это объясняется тем, что все предшествующие и запрещающие нормы во внутригосударственном праве могут рассматриваться как императивные, закрепляющие определенные правовые веления. Исключение составляют лишь дозволяющие нормы.

Проблема, с которой постоянно сталкиваются исследователи и практики, стремление дать приблизительный, ориентировочный перечень императивных норм международного права и тем самым обязательств *erga omnes*. Такие попытки успеха не имели. Можно с уверенностью утверждать, что основные принципы международного права – императивные нормы. Можно только спорить об объеме их императивности. Но этого явно недостаточно, не говоря уже о том, что не все указанные принципы имеют четкое закрепление в международных актах. Более плодотворным представляется стремление дать классификацию категорий императивных норм, хотя здесь присутствует разнообразие точек зрения¹⁴.

Бессспорно, Устав ООН и Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 25 октября 1970 г., как и некоторые другие акты, позволяют говорить без каких-либо сомнений, что ряд принципов входит в ряд основных. Не имеет значения,

¹² Лукашук И.И. Указ.соч., с. 169.

¹³ Подробнее об этом см.: Алексидзе Л.А. Указ.соч., с. 224-225.

¹⁴ Алексидзе Л.А. Указ.соч., с. 321-322; Tunkin G. Op.cit., p. 301; Лукашук И.И. Указ.соч., с. 172-173.

что международные акты, в которых отражены принципы международного права, не всегда носят юридически обязательный характер. Так, Декларация 1970 г., принятая Генеральной Ассамблеей, является рекомендацией, но стала рассматриваться как официальное толкование ООН принципов международного права, не вызывающее возражений со стороны государств. В Декларации, правда, не предусмотрен принцип уважения прав человека. В дальнейшем он был прямо сформулирован в Заключительном акте СБСЕ. Не обсуждая вопрос, насколько полным можно считать перечисление основных принципов международного права в международных документах и в доктрине, есть все-таки ясность, какие принципы безусловно относятся к основным.

В конечном счете можно представить, какие принципы входят в категорию основных. Но то же самое нельзя сказать об императивных нормах и об их содержании в целом. Это почти то же самое, что пытаться перечислить все действующие нормы международного права. Может быть, такая задача (перечислить императивные нормы) выглядит скромнее, но и она, мягко говоря, не слишком обнадеживает в отношении ее успеха. Кое-что, однако, допустимо рассматривать как словесное выражение обычных международно-правовых норм.

Принципы международного права не в состоянии быть реализованы без более конкретных договорных и обычных норм. Это старая истина. Есть основания полагать, что значительная часть положений Декларации 1970 г., раскрывающих содержание принципов международного права, представляют собой формулировки ряда конкретных норм международного права, тоже неизбежно императивных. Например, в Декларации говорится о том, что государства не должны вмешиваться в политическую борьбу в другом государстве или не должны признавать территориальные приобретения, осуществленные путем применения силы, и другие положения¹⁵. Их вполне можно интерпретировать как содержащие императивные нормы и, следовательно, обязательства *erga omnes*.

Можно дискутировать по поводу того, насколько точно здесь передан смысл таких положений. Обычные нормы требуют толкования и оставляют для него простор. Договорные нормы также, конечно, в тех или иных случаях нуждаются в толковании. Но поле для толкования здесь гораздо меньше. Не вдаваясь в анализ того, насколько в Декларации,

¹⁵ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии 15 сентября – 17 декабря 1970 г. ООН. Нью-Йорк, 1971, с. 151-155.

ее формулировках раскрыто содержание конкретных императивных норм, очевидно, что она – веское доказательство существования многих норм такого рода.

Отраслевые принципы международного права, как и основные, должны рассматриваться в качестве императивных. Они тоже выводятся из содержания различных международных актов, когда ищут доказательств существования обычных норм. Необходимо иметь в виду, что такие принципы могут выступать как отраслевые принципы иногда не в одной отрасли международного права. Так, принципы, согласно которым признается, что определенные пространства (территории) находятся в совместном пользовании всех государств и, кроме того, не должны подвергаться национальному присвоению, т.е. включаться в состав территории любого государства, являются принципами и морского, и воздушного, и космического права.

Исследуя принципы международного права как императивные нормы, было бы правильным отметить такой феномен, который можно было бы назвать субсидиарными принципами. Не размышляя о том, сколько их в действительности, в качестве примера можно было бы привести принцип неприкосновенности государственных границ. Он – логическое продолжение принципа территориальной целостности и неприкосновенности государств. Другой пример – принцип, запрещающий дискриминацию. В последнем случае это одна из сторон или продолжение принципа уважения прав человека. Впрочем, в ряде случаев он выступает и как самостоятельный отраслевой принцип международного права (например, принцип международного экономического права).

Могут быть и иные взгляды на указанный вопрос. Главное здесь то, что данные положения имеют императивное качество, смотреть ли на них как на субсидиарные принципы или как на элементы основных принципов.

Уже отмечено, что «высказано мнение» о том, что встречаются региональные принципы, и что принцип нерушимости государственных границ, предусмотренный в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., «носит региональный характер»¹⁶. Можно в связи с этим напомнить, что понятие регионализма не имеет достаточно четких очертаний. Если же обсуждать особенности Заключительного акта 1975 г., не надо забывать,

¹⁶ Колосов Ю.М., Малеев Ю.Н. Принципы международного права. // Международное право. Отв. ред. Вылегжанин А.Н. М.: Юрайт. Высшее образование, 2009, с. 118.

что в нем участвуют США и Канада. К тому же, принцип нерушимости государственных границ толкуют по-разному.

Не задерживаясь на самом Акте 1975 г., следует поднять вопрос о том, оправданно ли говорить о региональных принципах как об императивных нормах международного права.

Если допустить, что есть региональные императивные нормы, необходимо задать вопрос, в отношении кого действует обязательство *erga omnes*. Если в отношении государств, входящих в данный регион, то можно ли говорить об обязательствах *erga omnes*? Эти обязательства не будут обязательствами в отношении всех членов межгосударственного сообщества. Если они касаются действительно *всех* членов межгосударственного сообщества, но в отношении лишь определенной группы государств, обладающей некой спецификой, то они будут подлинно обязательствами *erga omnes*, поскольку будут составлять содержание императивных норм, предусматривающих какое-либо поведение *всех* членов межгосударственного сообщества в отношении определенной группы государств. Такая аргументация может служить основанием для того, чтобы судить, что есть императивные нормы, которые предусматривают обязательства *erga omnes* в отношении той или иной группы государств, даже не образующих регион или его подобие, а обладающих иными сходными качествами (например, статусом постоянно нейтрального государства).

Предположив, что все же существуют императивные нормы, содержащие обязательства *erga omnes* только для государств, образующих некий регион или объединенных каким-либо иным общим качеством, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, выражение «*erga omnes*» следует понимать, как означающее в таком случае государства данного региона (или группы государств, объединенных иным качеством). Во-вторых, эти императивные нормы не должны нарушать те императивные нормы, которые предусматривают обязательства *erga omnes* *всех* государств (и других субъектов международного права *mutatis mutandis*). Следовательно, региональные и им подобные императивные нормы, если они все-таки есть, не должны ухудшать положение государств, входящих в регион или иную группу соответствующих государств, по сравнению с остальными государствами. Приоритет должен отдаваться глобальным императивным нормам.

Ничто не препятствует, видимо, признавать императивными нормы, действующие в рамках ограниченного круга государств, если они

создают более благоприятные условия для этих государств, чем императивные нормы глобального масштаба и им не противоречат. Выше упоминалось о возможности отступления от императивных норм в случае создания для каких-то членов межгосударственного сообщества более благоприятных условий без ущемления прав остальных его членов. Практически то же самое можно сказать и о нормах, признаваемых императивными в пределах ограниченного круга государств.

Можно задать вопрос, чем отличаются региональные императивные нормы (или им подобные) от региональных (или им подобных) обычных норм. Тем же, очевидно, что и все императивные нормы. Их нельзя нарушать в первую очередь в договорном порядке. Разница только в сфере действия. Глобальные императивные нормы нельзя нарушать никаким субъектам международного права. Региональные (и им подобные) императивные нормы нельзя нарушать государствам, входящим в регион или в круг государств ими связанных (при условии, конечно, что в любом случае последние не противоречат глобальным императивным нормам). Если все государства, входящие в регион или им подобные, заключают договор по тем или иным вопросам, это само по себе не значит, что его нормы превращаются в императивные среди этого круга государств. Даже если они постепенно приобретают характер международных обычных норм среди такого круга государств, они не становятся автоматически императивными.

Высказанные здесь соображения должны восприниматься только как своего рода схема. Надо помнить, что содержание любой императивной нормы часто влечет за собой необходимость толкования и выявления, возможно, ее элементов, которые не считаются императивными. В качестве примера можно привести принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, граница которого исторически подвижна.

Заслуживает внимания вопрос об иерархии императивных норм. На него не надо смотреть как на проблему старшинства таких норм. Все императивные нормы имеют одни и те же признаки, содержат в равной степени обязательства *erga omnes*. Можно говорить о том, что есть более общие и более конкретные императивные нормы. Есть принципы (самые общие нормы) и конкретизирующие их нормы. Иерархию можно обнаружить в том смысле, что более конкретные нормы не должны противоречить более общим, а не наоборот (не обсуждая эволюцию тех и других). Не возвращаясь к вопросу о существовании региональных

и им подобных норм, но предположив, что они существуют, надо признать приоритет глобальных императивных норм.

Возможны ли коллизии между императивными нормами? Ответить на этот вопрос трудно. В идеале такая ситуация невозможна. Однако идеальную картину состояния межгосударственных отношений нельзя вообразить. В процессе развития межгосударственных отношений и, естественно, международного права коллизии между императивными нормами могут возникать. Во всяком случае можно утверждать, что коллизии в интерпретации этих норм определенно существуют.

Своеобразную иерархию императивных норм при желании можно увидеть в различии важности регулируемых отношений. Как будто бы все они важны, поскольку они императивны. В ст. 40 статей, подготовленных Комиссией международного права еще к 56-й сессии Генеральной Ассамблеи, акцент делается на серьезных нарушениях императивных норм. Тогда убедительным будет вывод, что серьезными нарушениями императивных норм (значит, закрепляющих обязательства *erga omnes*) следует считать те нормы, которые регулируют межгосударственные отношения особой важности. Комиссия решила не употреблять термин «международные преступления». Но он вошел благодаря Нюрнбергскому процессу в доктрину и практику. Он скорее метафора, имея в виду самые серьезные (тяжкие) нарушения международного права, совершаемые субъектами международного права (практически, разумеется, прежде всего государствами). Это не преступления в уголовно-правовом смысле. В докладе Р. Аго, представленном ранее Комиссии международного права, предлагалось раскрыть понятие международного преступления (в ст. 19)¹⁷. Комиссия предпочла более осторожную формулировку (об ответственности за серьезные нарушения императивных норм).

Необходимость выделения среди серьезных нарушений императивных норм тяжких нарушений остается. И.И. Лукашук признал: «... не всякое нарушение императивных норм может быть достаточно серьезным, чтобы быть квалифицированным как преступление»¹⁸. Ясно, что речь идет о международных преступлениях.

¹⁷ Ежегодник Комиссии международного права. 1980, т. II, часть вторая. ООН. Нью-Йорк, 1981, с. 32.

¹⁸ Лукашук И.И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004, с. 268.

В международном праве нет четкой фиксации международных преступлений именно как наиболее серьезных нарушений императивных норм, содержащих обязательства *erga omnes*, нарушение которых представляет особую опасность для межгосударственного сообщества. Несомненно, к ним надо отнести агрессию и геноцид как государственную политику.

Не нужно смешивать международные преступления (как деяния государств и, возможно, других субъектов международного права) и преступления *против* международного права (как деяния индивидов), признанных общественно опасными в международном масштабе, влекущих уголовную ответственность и требующих сотрудничества между государствами. В приговоре Нюрнбергского трибунала для обозначения таких деяний употребляется выражение «преступление против международного права»¹⁹. Употребляются в этом же значении термины «преступления по международному праву» или «преступления согласно международному праву». Подобные деяния могут совершаться индивидами, действующими в официальном качестве. Тогда они связаны с международными преступлениями (агрессией, например). Они могут совершаться и частными лицами (например, пиратство). Тогда они не имеют отношения к международным преступлениям. Не исключено, что государства обязаны бороться с ними в силу императивных норм, т.е. осуществляя обязательства *erga omnes*. Это не говорит о том, что тем самым такие серьезные нарушения, если с ними не бороться, становятся в один ряд с международными преступлениями.

Вероятно, можно найти и другие аспекты взаимосвязи императивных норм международного права и обязательств *erga omnes*. Но и то, что было сказано, дает возможность еще раз показать многоплановость этой взаимосвязи.

¹⁹ Нюрнбергский процесс. Т. VII. М.: Госюриздат, 1961, с. 368, 791.

Interconnection of Peremptory Norms of International Law and erga omnes Obligations (Summary)

*Stanislav V. Chernichenko**

The content of peremptory norms is always erga omnes obligations. The mirror conclusion is also correct: erga omnes obligations always mean the content of peremptory norms.

It is impossible to give a list of peremptory norms and the content of erga omnes obligations. The principles of international law can be regarded as peremptory norms. It does not rule out the interpretation of them. Some provisions of the Declaration of principles of International law (1970) can also be regarded as concretizing peremptory norms.

The concluding of an international treaty creating more favorable conditions for its participants which does not contradict peremptory norms should not be related to the violation of peremptory norms.

The hierarchy of peremptory norms should not be understood as the priority of some norms in comparison with other ones. The development of inter-State relations and the development of international law make possible collisions between peremptory norms.

It is possible to suppose the existence of regional peremptory norms or a linking group of States by another indication, on the condition that they do not contradict global peremptory norms.

The Commission of International Law took a decision not to use the term “international crimes” preferring the term having a broader meaning “serious breach of a peremptory norm”.

Keywords: Peremptory norms of international law; erga omnes obligations; list of peremptory norms of international law and erga omnes obligations.

* Stanislav V. Chernichenko – Honoured scientist of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor; President of the International Law Club.